

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 89**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 89 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 328 с.

ISBN 978-5-458-04737-1

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04737-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

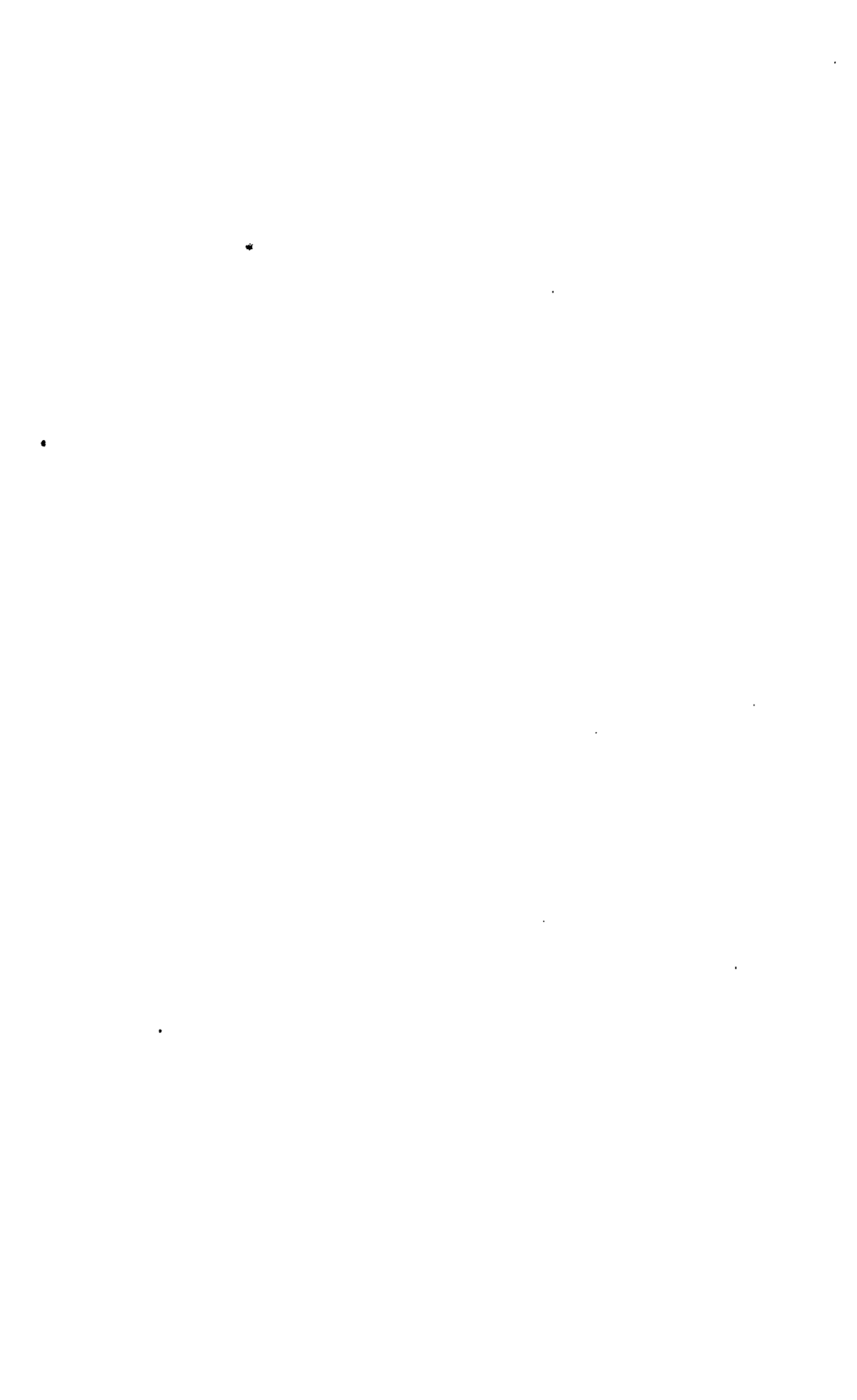
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint



Памяти Куно Фишера.

† 22 іюня 1907 года.

Вѣсть о кончинѣ знаменитаго историка философіи, глубоко опечалившая его многочисленныхъ почитателей и учениковъ, не была неожиданной для тѣхъ, кто слѣдилъ за его дѣятельностью. Съ тѣхъ поръ, какъ изъ Гейдельберга пришло извѣстіе, что Куно Фишеръ не читаетъ болѣе, всѣ знавшіе его должны были сказать себѣ: Куно Фишеръ близокъ къ смерти. Жить и читать въ университетѣ, жить и учить философіи это было для него одно. Для каждаго, кто слушалъ его, образъ философа-педагога столь неразрывно связывался съ представленіемъ о его личности, что, казалось, для него невозможно было перестать учить ранѣе, чѣмъ онъ перестанетъ жить. „Пока не наступитъ тьма“,—какъ говорилъ своимъ слушателямъ Куно Фишеръ—онъ хотѣлъ „творить“, хотѣлъ читать и учить, и только смерть могла вырвать у него знамя изъ рукъ: „man muss schaffen, solange es licht ist“.

Этой мечтѣ, которую вмѣстѣ съ нимъ раздѣляли и окружающіе, не суждено было осуществиться: прославленный ветеранъ философіи умеръ не на каедрѣ, а въ отставкѣ, къ которой вынудилъ его полный упадокъ силъ. Онъ долженъ былъ принять этотъ покой вынужденнаго бездѣйствія, бывшій для него началомъ конца. Когда лѣтомъ 1903 года, проѣздомъ черезъ Гейдельбергъ, мнѣ пришлось посѣтить заключительную лекцію Куно Фишера, которая оказалась и послѣдней его лекціей, уже былъ замѣтенъ этотъ упа-

докъ силъ. Моментами попрежнему вспыхивалъ огонь ораторскаго воодушевленія, который такъ отличалъ его чтенія, но въ общемъ чувствовались усталость и слабость, неудивительныя, конечно, въ 79 лѣтъ. Онъ читалъ одинъ изъ своихъ самыхъ любимыхъ курсовъ—о Фаустѣ Гёте—и закончилъ свои чтенія выраженіемъ надежды, что ему удастся читать объ этомъ „еще разъ подробно“. *Nochmals ausführlich*—эти слова невольно припоминаются мнѣ, какъ свидѣтельство неутомимой энергіи профессора, который не хотѣлъ оставить надежды, что онъ будетъ читать еще и еще, „пока не наступитъ тьма“.

И понятно, что при вѣсти о его кончинѣ у всѣхъ прежде всего возсталъ въ памяти Куно Фишеръ-профессоръ. Его сочиненія, конечно, заслуживаютъ самой высокой оцѣнки; но какъ профессоръ, какъ прирожденный учитель философіи и ораторъ кафедръ, онъ былъ выше своихъ сочиненій. Въ лѣтописяхъ нѣмецкихъ университетовъ слава его преподавательской дѣятельности составитъ одну изъ самыхъ яркихъ страницъ и можетъ быть переживетъ его заслуги, какъ ученаго и писателя. Его сочиненія, и прежде всего восьмитомная „Исторія новой философіи“, во многихъ отношеніяхъ замѣчательны и блестящи. Однако, уже и теперь разработка отдѣльныхъ моментовъ этой исторіи ушла далѣе Куно Фишера и иногда прошла мимо него. Но не скоро появится среди нѣмецкихъ профессоровъ философіи другой Куно Фишеръ, способный превзойти его или хотя бы только сравняться съ нимъ по силѣ чарующаго вліянія на слушателей, по силѣ захватывающаго и дѣющагося воздѣйствія на всѣхъ, кто подчинялся этому очарованію прекрасной мысли, облеченной въ прекрасную форму. Въ концѣ концовъ и самыя особенности его историко-философскихъ изслѣдованій объясняются педагогическими свойствами его таланта. Читателя удивляетъ въ нихъ прежде всего умѣніе сглаживать противорѣчія, разъяснять въ простыхъ терминахъ запутанныя проблемы, дѣлать понятными труднѣйшія философскія построенія. Это плодъ долговременной дѣятельно-

сти прирожденнаго профессора-педагога: его труды выросли изъ его преподаванія.

И снова вспоминается мнѣ Куно Фишеръ на кафедрѣ. Мнѣ довелось слышать его въ 1890 году и затѣмъ позднѣе въ 1894. Въ то время онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ силъ. Наступавшая старость не отразилась еще на увлекательномъ краснорѣчьи его лекцій. Чисто юношеская свѣжесть голоса, музыкальная ритмичность рѣчи, блестящая ораторская форма прекрасно гармонировали съ значительностью содержанія. И надъ всей этой то спокойно льющейся, то вдохновенно поднимающейся рѣчью господствовала та особая философская мудрость, та углубленность мысли, которая дается проникновеніемъ въ тайны философскаго познанія. Профессоръ говорилъ, и передъ слушателями раскрывалась картина послѣдовательнаго роста философской мысли, ея стройное и какъ бы безпрепятственное и неудержимое стремленіе впередъ, на пути къ раскрытію истины. Безъ скачковъ и перерывовъ, но съ логической неизбѣжностью и строгой послѣдовательностью, такъ какъ это только и могло быть по закону разума, изображалось у него историческое движеніе философіи. Это не была трагедія человѣческихъ исканій съ постоянной неудовлетворенностью вѣчнаго стремленія; это было торжественное шествіе побѣдоноснаго разума, передъ которымъ постепенно раскрываются тайны міра. Паѳосъ гегелевскаго панлогизма, своеобразно преломленный въ мягкой и артистической натурѣ профессора, отражался въ его изложеніи еще бѣльшей послѣдовательностью и какъ бы художественной красотой и законченностью философской эволюціи. Съ особенной силой это проявлялось въ его изложеніи нѣмецкой философіи, которую онъ такъ зналъ и любилъ. На помощь его вдохновенному изложенію приходила въ этомъ случаѣ и нѣмецкая поэзія, изъ которой онъ часто и мастерски декламировалъ философскіе отрывки. И тогда въ особенности его аудиторія переживала тѣ моменты подъема и увлеченія, когда казалось, что надъ нами проносится вѣяніе

великаго духа, раскрывающагося въ исторіи философскаго познанія.

So Sybillen, so Propheten...

произносилъ торжественно профессоръ, и въ общемъ контекстѣ его лекцій казалось, что сивиллы и пророки предвозвѣстили человѣчеству неуклонный путь къ истинѣ и несомнѣнную побѣду разума.

Проходили годы, смѣнялись поколѣнія, а Куно Фишеръ оставался какъ бы предохраненнымъ отъ вліянія времени. Онъ выступилъ впервые на кафедрѣ въ 1850 г., его слушали учителя нашихъ учителей, вслѣдъ за ними и нами слушали его и наши ученики, а Куно Фишеръ оставался все тотъ же, юношески свѣжій, вдохновенный, блестящій. Но „тьма наступила“, и онъ долженъ былъ перестать „творить“...

Въ лицѣ его не только гейдельбергскій университетъ, но всѣ, кто любить и цѣнить философію, понесли вознагражденную утрату.

П. Новгородцевъ.

Объ отношеніи психологіи къ философіи ¹⁾).

На мою долю выпало преподаваніе съ той кафедрѣ, съ которой преподавалъ покойный князь Сергѣй Николаевичъ Трубецкой. Заслуги его передъ отечественной философіей такъ велики, что исторія уже теперь можетъ указать ему вполне опредѣленное мѣсто. На мой взглядъ, его важнѣйшая заслуга передъ философіей заключается въ томъ, что онъ выступилъ въ защиту законности философскихъ и метафизическихъ построеній въ такой моментъ, когда отрицательное отношеніе къ философіи грозило привести эту послѣднюю къ полному паденію. Онъ самъ далъ совершенно законченный очеркъ метафизической системы „конкретнаго идеализма“, въ которой философія приходитъ въ такое близкое соприкосновеніе съ религіей. Князю Сергѣю Николаевичу Трубецкому принадлежитъ та заслуга, что онъ оригинально построенной метафизической системой показалъ, что еще не миновала пора философскихъ и метафизическихъ построеній.

Заступаю его мѣсто съ пріятнымъ сознаніемъ, что, будучи сторонникомъ того же философскаго направленія, я являюсь продолжателемъ его работы. Я воспользуюсь сегодняшней лекціей, которая по университетскимъ традиціямъ должна носить программный характеръ, для того, чтобы показать, что въ очень существенномъ пунктѣ я являюсь единомышленникомъ моего предшественника и именно въ томъ, что

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 19 сентября 1907 года.

я также являюсь защитникомъ законности философскихъ построений и важности этихъ послѣднихъ для развитія самой науки. Для этой цѣли я разсмотрю вопросъ, правильное разрѣшеніе котораго имѣетъ существенное значеніе для судьбы психологіи: я разумѣю вопросъ объ отношеніи психологіи къ философіи, и именно вопросъ о томъ, находится ли психологія въ какой-либо зависимости отъ философіи или нѣтъ.

Какъ извѣстно, психологія составляла нѣкогда неотъемлемую часть философіи или метафизики. Это происходило оттого, что психологія считалась наукой о природѣ души. Задача психологіи заключалась въ изученіи природы души. Типичнымъ представителемъ такой психологіи въ новѣйшей философіи является Гербартъ.

Въ основу своихъ психологическихъ изслѣдованій онъ кладетъ метафизическое опредѣленіе души. По его мнѣнію, душа представляетъ собою абсолютно простое существо, которое изъ самосохраненія вступаетъ въ борьбу съ другими простыми существами, съ такъ называемыми *реалиями*. Изъ этой борьбы возникаютъ представленія, взаимодѣйствіе которыхъ даетъ различныя душевныя состоянія, напримѣръ, чувства, волю и т. п. Исходя изъ этихъ предположеній о свойствахъ души, предположеній, какъ это легко видѣть, имѣющихъ *спекулятивный* характеръ, Гербартъ старался вывести *дедуктивно* законы душевныхъ явленій. У него, напримѣръ, объясненіе ассоціаціи идей, воспріятія пространства и т. п. находится въ зависимости отъ взгляда на природу души.

Въ психологіи такого типа объясненіе законовъ душевныхъ явленій находилось въ зависимости отъ взглядовъ на природу души. Въ ней философскія теоріи являлись необходимымъ предположеніемъ психологическихъ построений. Безъ философскаго ученія о душѣ нельзя было приступить къ объясненію законовъ душевныхъ явленій. Законы же душевныхъ явленій выводились дедуктивно изъ принциповъ, которые лежали въ основѣ ученій о душѣ.

Отрицательное отношеніе къ зависимости психологіи отъ философскихъ теорій мы находимъ уже въ нѣмецкой философіи 18-го вѣка, но въ послѣднее время признаніе зависимости психологіи отъ философіи встрѣчаетъ особенно сильное противодѣйствіе.

Въ настоящее время очень многіе утверждаютъ, что, какихъ бы взглядовъ на природу души мы ни держались, это не можетъ имѣть опредѣляющаго значенія на наше объясненіе законовъ душевныхъ явленій. Будемъ ли мы стоять на материалистической, спиритуалистической или иной какой-нибудь точкѣ зрѣнія, мы все равно должны будемъ разсматривать душевныя явленія только лишь какъ душевныя явленія. Наши чувства, мысли, волевые процессы могутъ быть изучаемы сами по себѣ, но не какъ *проявленія* какой-либо души. Философское разсмотрѣніе души, поэтому, для психологіи, какъ науки о душевныхъ явленіяхъ, оказывается совершенно излишнимъ. Мало того, природу психическихъ явленій можно изучать и въ томъ случаѣ, если мы совсѣмъ не признаемъ существованія души. Такимъ образомъ возникаетъ пресловутая *психологія безъ души*, т.-е. психологія безъ допущенія гипотезы души.

Въ близкомъ родствѣ съ этимъ стремленіемъ устранить душу изъ психологіи находится тенденція современной научной мысли по мѣрѣ возможности устранять всевозможныя *ипотезы*. Разъ гипотеза души не допускается, то ясно, что изученіе психологіи сводится къ изученію только психическихъ явленій, задача психологіи сводится къ простому *описанію* психическихъ явленій. Психологія должна только описывать психическія явленія въ томъ видѣ, какъ они совершаются въ дѣйствительности, не пользуясь никакими гипотезами. Вообще, философскія теоріи не должны быть допускаемы въ психологіи, такъ какъ онѣ создаютъ презумпцію, которая оказываетъ вредное вліяніе на чисто эмпирическое изученіе душевныхъ явленій, а потому для успѣшной разработки психологіи *совершенное отдѣленіе ея отъ философіи является необходимымъ требованіемъ*.

Вотъ два противоположныхъ взгляда на отношеніе между философией и психологией.

Но можетъ ли психологія обойтись безъ философіи, или же философскія теоріи являются необходимымъ предположеніемъ психологіи? Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ: „кому разрабатывать психологію?“ Почти 40 лѣтъ тому назадъ Сѣченовъ поставилъ вопросъ: „кому разрабатывать психологію?“ Самъ онъ далъ на него очень рѣшительный отвѣтъ, который совершенно отстранялъ философовъ отъ психологическихъ изслѣдованій. Но жизнь отвѣтила на его рѣшеніе отрицательно. Философы все еще остаются причастными къ психологическимъ изслѣдованіямъ.

Итакъ, должна ли оставаться прежняя связь психологіи съ философией, или же психологія, подобно другимъ наукамъ, должна порвать связь съ нею? Какъ извѣстно, первоначально всѣ науки находились въ связи съ философией, но постепенно онѣ отдѣлились отъ нея и стали развиваться самостоятельно. Отъ философіи отдѣлилась сначала математика, затѣмъ физика и физиологія, и только психологія почему-то остается въ связи съ ней, только она почему-то до сихъ поръ считается *философской* наукой. Поэтому вполне естественнымъ является вопросъ, не должна ли традиционная связь психологіи съ философией быть порвана, быть признана неестественной и даже вредной?

Спорность вопроса о связи между психологией и философией въ значительной мѣрѣ зависѣла отъ того, что терминъ *философія* употреблялся въ неопредѣленномъ смыслѣ, и самая связь эта понималась очень различно. Поэтому намъ слѣдуетъ расчленивъ вопросъ и рассмотреть, что слѣдуетъ понимать подъ философией и что слѣдуетъ понимать подъ связью психологіи съ философией.

Подъ философией можно понимать прежде всего *метафизику*. Тогда подъ связью психологіи съ философией можно будетъ понимать требованіе, что для построения законовъ душевной жизни необходимо предварительно построить метафизическую теорію о природѣ души, т.-е. предваритель-

но рѣшить вопросъ, существуетъ ли душа, есть ли она что-либо матеріальное, есть ли она субстанція и т. п.

Подъ философіей можно понимать *теорію познанія*. Въ задачи теоріи познанія, какъ извѣстно, входитъ изслѣдованіе основныхъ понятій науки. При отождествленіи философіи съ теоріей познанія связь между философіей и теоріей познанія можетъ пониматься такимъ образомъ, что для построенія законовъ психологіи необходимымъ предположеніемъ является изслѣдованіе нѣкоторыхъ понятій, лежащихъ въ основѣ психологіи, на примѣръ, понятій субстанціи, причины, воздѣйствія, понятія различія между физическими и психическими явленіями и т. п.

Наконецъ, связь между психологіей и философіей можетъ быть понимаема такимъ образомъ, что *философія служитъ для завершенія построеній психологіи*, г.-е. что результаты обобщеній психологіи могутъ быть положены въ основу *науки о духѣ*, которая подобно натурфилософіи не есть наука эмпирическая, а есть наука философская. Въ этомъ смыслѣ психологія доставляетъ матеріаль для построеній философіи; она является вспомогательной наукой по отношенію къ философіи.

Разсмотримъ сначала утвержденіе, что философскія предпосылки могутъ быть совершенно устранены изъ изученія законовъ душевной жизни, что психологія, какъ наука, должна совершенно игнорировать понятіе *души*, что ея задача должна сводиться къ простому *описанію* и *классификаціи* душевныхъ явленій. При такомъ пониманіи психологія превращается въ чисто эмпирическую науку; она не пользуется никакими философскими понятіями. Съ такимъ пониманіемъ задачъ психологіи нельзя согласиться. Многимъ кажется, что нѣтъ ничего проще, чѣмъ установленіе факта, чѣмъ *описание* того или иного явленія, что описаніе можетъ осуществляться, если только мы пожелаемъ изобразить то, что является предметомъ непосредственнаго воспріятія. Но это неправильно. *Описание или классификація душевныхъ явленій не можетъ осуществляться безъ какихъ-либо теорій или*